

Глава 24. Он точно нарочно меня соблазняет!

— Змейка, куда ты утащил кулон?

Лю Чжэчжи за ним не пошел, только окликнул издалека:

— Ладно, я понял, тебе он понравился. Раз уж я подарил его тебе, обратно не заберу. Умница, возвращайся скорее.

Кому он понравился? Этот Владыка и не такие сокровища видел. Стану я радоваться какому-то твоему жалкому нефриту!

Мо Янь презрительно фыркнул, обернулся, еще раз проверил, надежно ли спрятал кулон у стены, и только потом пополз обратно.

То ли тело у Лю Чжэчжи и правда ослабло куда сильнее прежнего, то ли его растрогало, что Змейка так дорожит его подарком, — иначе зачем было прятать какой-то кулон так бережно? А когда он еще увидел, как Змейка ползет к нему, точно птенец в гнездо, в груди разлилось такое тепло, что, казалось, прогрело всё тело.

В его обычно спокойных, ровных глазах проступило удовлетворение, даже почти отеческая нежность — так смотрят на возвращенного собственными руками ребенка, который сам бежит к тебе. Любовь и забота уже готовы были перелиться через край.

Вот почему Лю Чжэчжи еще крепче уверился: Змейку непременно нужно правильно воспитывать. Ребенок не станет достойным, если не пройдет через трудности, а хорошие привычки надо прививать с малых лет. Например — приучать к порядку в спальне.

Но он знал и нрав Змейки: упрямый, шаловливый. Потому прямо говорить не стал, а просто принялся разбирать завал на письменном столе. И точно, стоило Змейке посмотреть и не выдержать, как тот сам подполз помогать. Тогда Лю Чжэчжи очень кстати отошел в сторону, сел рядом и только хвалил да целовал его, а Змейка тем временем трудился всё усерднее.

И волю закаляет, и полезные привычки вырабатывает, и время вместе проводят — сразу три пользы.

— Змейка в таком юном возрасте уже такой разумный. Когда-нибудь ты непременно превратишься из цзяолуна в истинного дракона.

Услышав это, Мо Янь среди всей этой суеты даже замер на миг и поднял на него взгляд. И правда — в глазах Лю Чжэчжи он увидел не просто ожидание, а самое настоящее, ничем не прикрытое отцовское «пусть сын станет драконом».

Он, Демонический Владыка, заклятый враг, — и вдруг у него на глазах его растят как сына, еще и ждут, что из этой маленькой змейки вырастет величественный грозный дракон.

У Мо Яня даже ругательства застряли в горле. Он оцепенел от потрясения и лишился дара речи.

Лю Чжэчжи, ты совсем уже с ума сошел!

Я считаю тебя заклятым врагом, а ты меня — сыном?!

Да ты, мать твою!

Всё, с меня хватит!

Змейка объявил забастовку. Лю Чжэчжи даже не понял, чем именно его задел: только что ведь спокойно хвалил. А в следующий миг Змейка вдруг бухнулся в тушечницу, весь вымазался в чернилах и принялся хлестать ими по нему. Это уже было не просто недовольство — он откровенно скандалил.

Чистая одежда, которую Лю Чжэчжи только что сменил, снова пошла пятнами. Белые одежды мгновенно покрылись россыпью черных брызг. И всё же он не рассердился, а лишь принялся размышлять, в каком месте сказал что-то не то.

Увы, так ничего и не понял. Под конец лишь наклонился к Змейке и тихо проговорил:

— Змейка, не сердись на меня, хорошо? Если тебе неприятны эти слова, я больше не стану так говорить.

— Хороший Змейка, не держи на меня зла. Я только очнулся, мысли еще не пришли в порядок, вот и сказал не подумав...

Он терпеливо уговаривал его, мягко, почти смиренно. Мо Янь начал остывать уже с первой же фразы, а вскоре и вовсе растерял весь запал. Только смотрел на него — такого непривычно близкого, такого почти балующего — и сам не замечал, как уходит в мысли.

Сейчас он всего лишь маленькая змея, вот Лю Чжэчжи и позволяет себе такую терпеливость и близость. А если однажды узнает, кто он на самом деле...

Вспомнив прежнюю холодность Лю Чжэчжи и те времена, когда при каждой встрече они непременно сходились в драке, Мо Янь потемнел взглядом.

К роскоши привыкаешь легко, а вот разучиться жить в ней — куда труднее. Увидев Лю Чжэчжи таким — внимательным, мягким, заботливым, — кто потом стерпит прежнее равнодушие и вражду?

Во всяком случае, Мо Янь — точно нет.

— Змейка, ты уже не сердишься?

Он так и лежал неподвижно, и Лю Чжэчжи осторожно протянул руку, словно проверяя. Убедившись, что Змейка не отстраняется, он с облегчением взял его на ладонь.

— Ты весь в чернилах. Я отнесу тебя искупаться.

Мо Янь тут же свернулся кольцом у него на ладони, только голову держал торчком, не сводя с него глаз и всё еще размышляя, что делать, если когда-нибудь его личность раскроется.

Но думать об этом долго не пришлось, потому что вскоре он обнаружил: его обращение резко ухудшилось.

В прошлый раз Лю Чжэчжи мылся вместе с ним, даже в горячем источнике они лежали вдвоем. А теперь этот человек просто налил ему таз воды и посадил туда одного, а сам отправился мыться и нежиться в источнике в одиночку!

Лю Чжэчжи, да ты с чего это?!

Я продлевал тебе жизнь целых два года, а ты, стоило очнуться, вот так со мной обошелся?!

— Плеск!..

Он так разошелся, что расплескал воду по всему тазу. Лю Чжэчжи понял, что тот недоволен, и смог только снова подлить воды.

— Змейка, не потому, что я не хочу тебя брать. Просто ты не выдержишь горячей воды в источнике. В прошлый раз у тебя даже кровь из носа пошла. Я человек, а ты змея — привычки у нас разные.

Да чтоб тебя... хватит болтать! Я тоже человек! С чего это ко мне такое отношение?! Тащи меня туда!

Мо Янь разбуянился так, что в конце концов Лю Чжэчжи не смог с ним справиться и всё-таки взял его с собой. Только, боясь, что Змейка не выдержит жара, посадил его себе на плечо.

С такого ракурса Мо Янь на него еще не смотрел. И только теперь до него по-настоящему дошло, что значит выражение «благоуханное плечо красавца».

Оно и правда было благоуханным. А кожа — нежная, гладкая, скользкая. Если не держаться, так и съедешь вниз.

Ш-ш-лп...

Раздвоенный язык скользнул по его плечу, и Лю Чжэчжи слегка поежился от щекотки. Кончиком пальца он мягко ткнул его в макушку.

— Змейка, не балуйся. Сейчас зима, холодно. У меня больше нет совершенствования, чтобы защищаться от стужи, вот я и хочу немного согреться в горячем источнике. Если тебе скучно — можешь сам выползти на берег и поиграть.

Скучно Мо Яню вовсе не было. Напротив — глаза разбегались. Куда ни посмотри, везде белизна, нежный розовый оттенок кожи. А от горячего пара холодный аромат Лю Чжэчжи стал еще гуще, почти дурманил одним своим присутствием.

Да это же чертовски красиво... то есть, чертовски вкусно пахнет... да что это... тсс... что-то тут не так.

Он еще не успел понять, в чем дело, как Лю Чжэчжи уже поднял его и, взяв лежавший на берегу парчовый платок, вытер кровь, которая успела капнуть у него из носа в воду.

— Видишь? Я ведь говорил: тебе не вынести жара источника. Опять от него кровь из носа пошла. Змейка, иди-ка на берег, остынь немного.

С этими словами он посадил его на берег и еще плеснул на него холодной воды.

И вот та холодная вода миг привела Мо Яня в чувство. Он со сложным выражением посмотрел на тело Лю Чжэчжи — белое, словно выточенное из льда и нефрита, погруженное в источник, — а потом молча опустил взгляд себе на низ живота.

Похоже... дело вовсе не в температуре воды...

Этого не может быть. Лю Чжэчжи ведь мужчина. Я тоже мужчина. Откуда тогда такая реакция?

Нет-нет, точно не во мне дело. Я каких только красавиц не видел. Не может быть, чтобы меня настолько повело от какого-то мужчины. Значит... значит, это он нарочно меня соблазняет.

И тут Мо Яня будто осенило.

Ну конечно. Он делает это специально. Неужели растит меня затем, чтобы потом заняться двойным совершенствованием?

Раз у него нет совершенствования, он заставляет меня прилежно культивировать, подгоняет скорее принять человеческий облик. Чтобы потом, когда я обрету и форму, и силу, использовать меня как человека-сосуд, практиковать цайбу через двойное совершенствование и таким образом самому вернуться к пути совершенствования.

Вот теперь всё сходится. Какая еще змеиная настойка? Разве не быстрее всего просто практиковать цайбу через двойное совершенствование?

Тсс... Лю Чжэчжи, да у тебя поистине ядовитое сердце!

Уверившись, что наконец докопался до истины, Мо Янь украдкой снова обернулся и посмотрел на человека в воде.

Если он и правда хочет именно этого, то... то, раз уж он всё-таки выхаживал меня, я, так и быть, могу позволить ему применить цайбу. Раз или два — не то чтобы совсем нельзя. Считай, это будет платой за продление жизни.

Тц, нет, не годится. Этот Владыка всего-то позволил заклятому врагу подлечить свои раны, а в ответ еще и собой расплачиваться должен? Слишком уж большая жертва.

Один раз. Только один. И ни разом больше!

<http://bllate.org/book/16980/1586296>